Дневник плохой девчонки

Автор:
Кристина Гудоните

Дневник плохой девчонки

Кристина Гудоните

Встречное движение

Котрине пятнадцать, она очень неглупа и начитанна, но мир вокруг ужасно раздражает. Родные ей кажутся лицемерами, а подруги – дурами и предательницами. Котрина начинает врать всем, чтобы досадить, поиздеваться, подшутить. Только своему дневнику она доверяет правду.

Череда выдуманных историй, одна другой хлеще, заводит Котрину в тупик, остается только бежать куда подальше, а деньги на первое время – украсть. Но жизнь все-таки не так плоха, и в ней встречаются самые неожиданные люди…

Читая роман, вы не раз подумаете, что у автора очень уж лихая фантазия, так не бывает, слишком всего много. Но спросите своих родителей, как они вели себя, будучи подростками. И если они скажут, что были паиньками, дайте прочесть эту книгу, а потом повторите свой вопрос…

Кристина Гудоните

ДНЕВНИК ПЛОХОЙ ДЕВЧОНКИ

Ядвиге, Каролю и Эльжбете

МОСКВА • САМОКАТ

2007

Снится мне, будто я совсем еще маленькая, годика три, не больше… Во сне я знаю, что сегодня праздник – мой день рождения, и меня ждет подарок, но подарок этот спрятан где-то на лугу, и я сама должна его отыскать. Луг огромный, края теряются за горизонтом… Отталкиваюсь ногами от земли, машу руками, взмываю в небо и, счастливая, лечу над солнечной зеленью, высматривая обещанный сюрприз. Наконец вижу внизу яркое пятнышко. Стремительно опускаюсь, но в высокой траве нахожу только розовую ленту от подарка, еще сохранившую форму коробочки, и понимаю, что надо мной просто подшутили, а может, я сама лопухнулась, чего-то недопоняв, но, как бы там ни было, теперь они все уж точно веселятся до упаду. Я знаю, что за мной наблюдают, чувствую их взгляды – и сама начинаю громко смеяться, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не разреветься…

15 июня, вечер

Сегодня мы с мамой ходили к ее подруге-психологу – посоветоваться насчет моего заикания.

Драгоценная мамочка, понятно, перед тем созвонилась с ней и, само собой, наболтала про меня выше крыши. Всякий раз, как на нее дурь находит и она вдруг кидается обо мне заботиться, – запросто из любой мухи слона делает. Я бы не удивилась, если бы она насочиняла, будто у меня рак мозга или я лаю по ночам. Не удивилась бы, но меня это бесит. Так что шла я к этой психологине, как корова на бойню.

Когда мы наконец добрались и подружки покончили с традиционными лобызаниями, психологиня велела маме подождать в приемной, а меня увела в кабинет, посадила в кресло, сама села напротив и уставилась так, словно ей вздумалось поиграть в гляделки. Ха! Не знала, на кого нарвалась: меня сроду

никому переглядеть не удавалось. Так что сложила я ровненько ручки на коленочках и, не мигая, смотрела ей прямо в глаза. Кстати, я, еще когда только ее увидела, сразу подумала, что она до ужаса похожа на Мишель Пфайффер в роли женщины-кошки: глаза такие же вытаращенные и слишком светлые, с крохотными темными точками посередине. А нос красноватый, и я заметила, что на самом кончике зреет прыщик. Неудачное место, выдавливать очень больно.

Прошло, наверное, не меньше минуты, а мы всё сидели и пялились друг на дружку, как ненормальные. Я даже слегка заскучала, еще немного – и начала бы зевать. Но тут психологиня наконец сдалась, опустила голову и улыбнулась. Ха! Поняла, что проиграла. Один – ноль в мою пользу.

– Тоже ногти грызешь?

Она потянулась было к моим пальцам, но я быстренько убрала руку, описав несказанной красоты дугу от колена до лба, будто хотела поправить ниспадающий локон. (Вот только никаких локонов у меня нет, волосы острижены коротко, как у мальчишки, и голова похожа на футбольный мяч.) Терпеть не могу, когда меня хватают руками. Женщина-кошка, похоже, и это поняла, во всяком случае, больше ко мне не лезла. А почему это она, между прочим, сказала «тоже»? Кого имела в виду? Неужели себя? Я покосилась на ее пальцы. Ой, нет, эти ногти на обгрызенные совсем не похожи.

– Ага, когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я грызла ногти. Прямо до крови обгрызала. Не веришь?

Верю, не верю… Да мне плевать, грызла она ногти или нет. Достало меня все это вместе, я только и мечтала, как бы побыстрее свалить. Честно говоря, я, еще когда мы туда шли, решила молчать как скала: страшно на мамашу разозлилась и хотела отбить у нее охоту таскать меня в такие места. Да и вообще – я же не всегда заикаюсь!..

Не дождавшись ответа, женщина-кошка наклонилась вперед и заговорила подозрительно тихо. Меня охватило нехорошее предчувствие.

– Ты, наверное, понимаешь, зачем тебя сюда привели? – спросила она. – Котрина, ты умная девочка, и я не собираюсь ничего от тебя скрывать. Да, твоя мама рассказала мне, какая у тебя беда. Ее это очень беспокоит, и она думает, что я

могу тебе помочь. Поверь, дорогая, я действительно и могу, и очень хочу тебе помочь. И тебе, и твоей маме. Я вижу, что тебе здесь не нравится, ты мне не веришь и сопротивляешься. Что ж, это вполне естественно и нисколько меня не удивляет, больше того – пожалуй, на твоем месте я и сама держалась бы примерно так же. Но прошу тебя, даже если ты не веришь мне, поверь своей маме. Ты хоть представляешь, как мама тобой гордится? Она мне так много про тебя рассказывала… Котрина, поверь хотя бы в то, что мама бесконечно тебя любит и желает тебе только добра. Котрина, милая, ну что ж ты так упираешься…

Черт! Вот тут я поняла, что еще немного – и разревусь в три ручья. Ни с того ни с сего! Ну что за несчастье такое! Я чувствовала, как в горле растет комок, а глаза наливаются слезами. Попробовала сглотнуть, часто-часто поморгать, даже за ляжку себя ущипнула, но нет, ни черта это не помогло. О господи, не хватало только, чтобы эта дура увидела меня всю в слезах и соплях! Как же я себя ненавижу за то, что со мной такое случается. Вообще-то это случается нередко, но я позволяю себе пореветь только тогда, когда никто не видит. Даже когда папа по щекам лупит – стою перед ним, как старый индеец по имени Олимпийское Спокойствие, могу еще и горько усмехнуться. Но стоит кому-нибудь начать выжимать из меня слезу – вмиг расклеиваюсь.

Эта садистка, ясен пень, заметила, что со мной делается, но как ни в чем не бывало продолжала давить:

– Я все пойму, Котрина, милая, и все останется между нами. Говори, девочка, спрашивай, поплачь, если хочешь. Только не молчи.

Я поняла, что если и дальше стану молчать, она будет компостировать мне мозги до тех пор, пока я не высох-ну, как мумия, или не обрасту космами, как снежный человек. Ничего другого не оставалось, пришлось сменить тактику и стать девочкой-лапочкой.

Я закивала и на всякий случай подсунула руки под ляжки, а то психологиня снова к ним потянулась.

– Д-да… п-попробую…

Видно было, что женщина-кошка никуда не спешит и времени у нее вагон: она как-то даже чересчур удобно расположилась в кресле, приготовившись меня слушать. Реветь мне расхотелось, так что я выдала ей самую обаятельную улыбку, какую только могла, и спросила:

– А у н-нас еще м-много в-времени осталось?

Психологиня тоже улыбнулась. Передние зубы у нее чуть выдавались вперед.

– Достаточно.

И тут она принялась задавать дурацкие вопросы, типа, в каких случаях я вдруг начинаю заикаться, и часто ли это на меня находит, и давно ли я заикаюсь, и что мне снится, и всякое такое. Я, понятно, сразу сказала, что заикаюсь очень редко, и незачем из этого проблему раздувать. А вот про то, что иногда заикаюсь нарочно, говорить не стала – ни к чему ей про это знать. Потом она велела рассказать о себе. Ага, прямо разбежалась! Да и как за один раз расскажешь, что с тобой происходило целых пятнадцать лет? Выбрать самое главное? Ну допустим, вот только кто разберется, что в жизни главное, а что нет? Ведь про то, от чего на самом деле балдеешь, словами не рассказать, а вся остальная моя жизнь – галимая скучища: скучные разведенные родители, толстый скучный неродной брат, скучная школа – ну, это у всех. Примерно так я ей и растолковала, но, ясен пень, намного вежливее. Как могла, старалась ей понравиться, лыбилась до ушей, выразительно кивала и молола без умолку: мне казалось, стоит на секунду замолчать – тут же начну заикаться. Зря напрягалась: женщина-кошка, похоже, все равно осталась не очень-то мной довольна.

Потом она выставила меня в приемную и позвала в кабинет маму. Я плюхнулась на диван и стала грызть ноготь на указательном пальце правой руки – это всегда меня успокаивает. Не все сложилось, как хотелось, а почему – не понимаю. Почему вообще так выходит? Когда мне кто-нибудь, вот как сегодня эта женщина-кошка, начинает компостировать мозги, и надо в ответ так сказануть, чтобы мало не показалось, я или начинаю заикаться как ненормальная, или такую фигню мелю, что самой противно, – словом, выгляжу беспросветной идиоткой. Просветление наступает потом: представление закончилось, зрители разошлись, похлопать некому – и вот тогда-то я запоздало начинаю фантазировать, как могло бы быть, если бы да кабы… Что за несчастье! А самое обидное, что перед тем я все так хорошо отрепетировала… Мама

говорит, со мной это происходит, потому что я чересчур эмоциональная, все время спешу и не руководствуюсь разумом. Может, так оно и есть?..

В общем, прописала мне психологиня снотворные капли (которые я, само собой, пить не стану), велела наблюдать за собой (придется таскать на уроки зеркальце и все время в него глядеться, чтобы чего-нибудь в себе не прозевать), анализировать свои действия (да я и так анализирую, разве не заметно?), вслух читать тексты (например, ночью, когда все спят, запереться в туалете и орать во все горло «Тракайский замок»[1 - Стихотворение литовского поэта Майрониса (настоящее имя Йонас Мачюлис, 1862–1932); судить об известности Майрониса можно хотя бы по тому, что его изображение помещено на банкноте в 20 литов. «Тракайский замок» входит в школьную программу, и каждый литовский школьник должен выучить его наизусть. (Здесь и далее – примеч. перев.)], ха!), записывать, что со мной происходит (еще чего!), свои сны и всякое такое. Ага, сны! Какое кому дело, что мне снится? Хотя… Хотя вообще-то сны записывать, может, и не помешает, тогда не так быстро забудутся. Из всех ее объяснений я поняла, что мое подсознание живет своей жизнью, а я – своей, и мы, типа, в жизнь друг дружки практически не вмешиваемся. Чудесно. Теперь буду знать, что у меня есть еще и самостоятельное подсознание. Ну, есть и есть, пусть себе живет.

Мама договорилась с психологиней, что я буду приходить раз в неделю. Ладно, пусть помечтает. А когда мы вышли на улицу, она все время как-то странно и беспокойно на меня поглядывала – так, будто у меня на лбу вдруг начал прорезываться рог, а она не решается об этом заговорить. Мы потащились в торговый центр, мне мама там купила толстую тетрадь, чтобы записывать сны, и мороженое, себе – сигареты и вино. Гостей ждет? Или одна выпивать собралась? Между нами, девочками, лучше бы она и мне сигарет купила, а не мороженого, потому что после разговора с психологиней мне позарез надо было закурить. На углу мы расцеловались и двинули кто куда: мама по своим делам, а я домой. Иногда мне кажется, что, не будь моя мама моей мамой, с ней вполне можно было бы дружить. Все дело портят эти ее материнские инстинкты.

Около школы встретились с Лаурой, пошли на берег Вильняле, сели покурить. Я рассказала про психологиню, поржали. Лаурина мама нашла ей работу – покупать каждый день продукты для какой-то бабульки, и за это будут платить двести литов[2 - Литовский лит привязан к евро: 3,45 лита = 1 евро, то есть заработок Лауры – это около 60 евро, или две с лишним тысячи рублей.] в месяц. Фантастика. Завидую.

Черт! Бабушка вернулась. Гашу свет, не хочу, чтобы с вопросами приставала. Приятных тебе снов, дневник!

16 июня, утро

Мне сегодня в школу не надо, сегодня идут только те, кто хочет исправить оценку по математике. У меня семь баллов[3 - В литовских школах оценки ставят по десятибалльной системе.], больше все равно не поставят. Встала в десять, когда бабушка уже ушла на репетицию хора. Я дома одна! Ура! Можно выйти с чаем на балкон и покурить.

В порядке самонаблюдения решила составить список своих плохих и хороших качеств.

Минусы характера Котрины Г.:

Минус №1. Я никогда ничего не могу довести до конца. Терпения не хватает.

Минус №2. Я время от времени делаю что-нибудь такое, о чем потом страшно жалею. И все равно делаю, ну что за черт! Делаю даже, можно сказать, нарочно, хотя иногда толком не понимаю зачем. Вывалявшись как следует в грязи, я ловлю от этого настоящий кайф и оттягиваюсь до тех пор, пока не начнет от самой себя тошнить. Тогда начинается «период очищения»: я стараюсь исправить все, что успела навалять, становлюсь со всеми вежливой и доброй, помогаю любому, кто о чем-нибудь попросит, почти не ругаюсь, бросаю курить и чувствую, что с каждым днем неуклонно приближаюсь к совершенству… Те, кому повезет общаться со мной в это время, только ахают: «До чего же хорошая девочка!» – и они совершенно правы. Но в конце концов настает минута, когда я чувствую себя почти стерильно чистой, мне становится до ужаса скучно, и все начинается по новой. (Почему, ну почему я не могу быть такой, как Лаура? Вот она, например, всегда обувку на место ставит.)

Минус №3. Иногда, если меня кто-нибудь сильно достает, я от злости начинаю заикаться. И еще грызу ногти. Ногти выглядят ужасно, но мне по фигу.

Минус №4. Я очень худая и совершенно не сексапильная. Мне явно бы надо увеличить грудь, а то она ни черта не растет.

Минус №5. Курю (иногда) и пью пиво или сидр (на тусовках), это, наверное, нехорошо, но мне нравится. В том-то и беда, что нравится. И еще я как выпью – никогда не заикаюсь, хотя должно быть наоборот. Ха!

Минус №6. Не умею вовремя ответить так, чтобы отстали раз и навсегда. Слова приходят в голову потом.

Минус №7. Не нравлюсь парням, потому что совсем не сексапильная и грудь не растет. Да еще и ноги как спички. Но мне и это по фигу.

Минус №8. У меня мало друзей и только одна настоящая подруга – Лаура. Со всеми остальными девчонками я все время ссорюсь. Они уже встречаются с парнями и бегают на свидания, а я еще до такого не дозрела. Но из-за этого тоже не переживаю. К тому же мама говорит, что лучше иметь одну настоящую подругу, чем десять ненастоящих.

Минус № 9. Привираю на каждом шагу. Но куда денешься – совсем не врать практически невозможно. Врут все, кому не лень. Проснутся с утра, зубы почистят и начинают врать. Таковы правила игры. Я вот огребаю по полной чаще всего именно тогда, когда говорю правду, ну или когда поступаю так, как на самом деле хочу. По-моему, те, кто никогда и совсем ни капельки не привирают, рано или поздно окажутся в психушке или умрут не своей смертью.

Плюсы характера Котрины Г.:

Плюс №1. Мама говорит, что я умная, только характер совершенно ужасный. Да, я неплохо учусь, много читаю – перечитала уже все мамины книги про художников и детективы, потому вполне логично, что все умнею и умнею.

Плюс №2. Я неплохо рисую. По рисованию, литературе и физкультуре у меня десятки.

Плюс №3. Я более-менее дружелюбно настроена к окружающим.

Больше плюсов не придумала. Пойду сделаю себе бутерброд.

Пожарила яичницу. К сожалению, без сала. Бабушка, чтоб ее, не покупает сало из-за холестерина! Просто помешалась на всяких диетах и идеальных пропорциях, носится на высоченных каблуках и запрещает обращаться к ней «бабушка»: требует называть Виолой, хотя настоящее ее имя – Валерия.

Вообще в трех моих «семьях» (мамина, папина и бабушкина) нет ни одного нормального человека, и крыша едет у каждого в свою сторону. Хотелось бы мне когда-нибудь заиметь кучу денег и жить одной. Пока что, если хорошенько вдуматься, на самом деле мне лучше всего жить с бабушкой. Она состоит в дворянском и еще каких-то союзах, поет в церковном хоре, а потому дома почти не бывает и глаза не мозолит. Заглянет утром проверить, проснулась я или нет (если надо в школу), потом вечером, как вернется домой, сунется убедиться в том, что я сплю, – вот и все общение, если не считать записочек, которые она мне оставляет, типа: «Котлетки в духовке, разогрей себе! Целую! Виола», или: «Возьми зонтик, передавали, будет дождь. Люблю. Виола»… Я прекрасно знаю, что ни фига бабушка меня не любит, и нужна я ей, как собаке пятая нога. А соглашается она со мной возиться только ради ненаглядного сыночка, моего папочки.

Родители развелись шесть лет назад и долго не могли договориться, с кем мне жить, – алименты платить никому не хотелось. В конце концов было решено, что они поделят меня между собой: неделю поживу с мамой, неделю с папой, неделю с мамой, неделю с папой… Так оно и шло до тех пор, пока папина секретарша не родила ему моего ненастоящего брата Альфреда. Тогда все перепуталось, и никто уже дней не подсчитывал.

Когда новорожденного Альфреда должны были привезти домой, мы с бабушкой Виолой трудились не покладая рук: испекли огромный торт, идеально убрали квартиру, поменяли занавески и постельное белье, в гостиной поставили вазу с

большим букетом цветов. А потом стали ждать, когда же на нас наконец-то обрушится безмерное счастье: свою новую жену Элеонору с ребеночком папа должен был привезти из клиники после обеда. Я страшно волновалась, потому что у меня никогда еще не было почти настоящего брата, и я понятия не имела, как с ним обращаться. Купила ему на свои скромные сбережения маленькую пачечку жевательной резинки (на большую денег не хватило) и маленький «Сникерс». Хотела сделать сюрприз.

И вот настала торжественная минута. Мы увидели в окно, как папина машина остановилась у дома, они вылезли, задрав головы, уставились на нас… и мы побежали их встречать. Таким странным я папу никогда еще не видела. Он все время хихикал, как слегка поддатый, и оттягивал узел галстука, будто тот мешал ему дышать.

Когда все собрались в гостиной, папа положил брата на стол, распеленал его и с величайшей гордостью, будто это несказанная красота какая, стал изучать его богатство – здоровенную фигню между ног. Черт, я же до тех пор ничего подобного не видела и помню, как меня это зрелище пришибло. Я подумала, что брат родился уродом, и придется делать ему операцию, ведь если не сделать – непонятно, как человеку с такой штукой дальше жить: он же ходить нормально не сможет! Почему-то мне вспомнилась овечка Долли, и стало очень страшно, я прижалась к бабушке, она вдруг смутилась и кинулась как попало заворачивать братика, а папа странно засмеялся, крутанулся на пятке, сгреб ребенка со стола, прижал к груди и, глянув на нас, завопил во всю глотку:

– А ну, бабы, марш на кухню ужин готовить! Нечего вам тут делать!

Отца я боялась всегда и теперь боюсь. Не потому, что он меня лупит и разговаривать по-человечески не умеет, только орет, – нет, я боюсь его глаз, его взгляда, как будто насквозь тебя просверливающего и вечно недовольного. Глянет так (а по-другому он на меня никогда и не смотрел) – и сразу хочется исчезнуть. Стою перед ним, дрожу от страха и начинаю понимать смысл слова «вечность»… А в тот незабываемый день я, когда мыла на кухне посуду после ужина, вдруг поняла, что случилось нечто непоправимое: я начинаю таять, растворяться и понемногу делаюсь невидимой.

…Не знаю, с чего это мне вздумалось писать про своего папашу. Он – галимая отрава, вот он кто. Хотя, правду сказать, я его толком и не знаю. Этот человек для меня – начальник. Просто начальник.

После контрольной по математике позвонила Лаура. Вечером собираемся у Кипраса: у него будет пустая квартира, потусим по случаю окончания учебного года.

– Он что, всех приглашает? – на всякий случай уточнила я.

– Конечно, всех! Это же Кипрас!

Ну да, Кипрас дружит со всеми, он, как говорится, свой парень. К нему в любой момент можно подойти стрельнуть сигаретку или попросить пару литов, и он всегда без разговоров даст, как будто это само собой разумеется. Еще мне нравится с ним общаться, потому что у него всегда хорошее настроение, и анекдотами он сыплет без передышки – не пойму, как только все это в голове умещается! Правда, с учебой у Кипраса не очень, так что как припрет – просит, чтобы я за него написала сочинение, а математику всегда сдирает у Гинце, причем за все за это нам платит… Не представляю, откуда у него столько денег. Гинце говорит, ему родители отстегивают денежки за отметки: за десятку – сотню, за девятку – девяносто, и так далее. Совсем неплохо!

Но как бы там ни было, именно благодаря Кипрасу я прославилась и теперь пишу сочинения половине класса – всем разные: подстраиваюсь под характер каждого, и, когда дело доходит до расчетов, меня прямо золотом осыпают!

– Эй, ты уснула там, что ли? – взвыла в трубке Лаура. – Идем или нет?

– А папа-мама что скажут?

Пару лет назад, когда мы только начинали тусоваться по-настоящему (без взрослых и торта со свечками), родители прижали Лауру как следует и никуда не пускали. Ее родители вообще как из прошлого века: не пропускают ни одного церковного праздника, по воскресеньям ходят в костел, после мессы у них семейный обед, за столом они крестятся, разговаривают, не повышая голоса, и все такое. Понятно, в классе Лаура чувствовала себя белой вороной, но мы подружились, и я вправила ей мозги. Теперь совсем другое дело.

Врать она научилась просто классически! То говорит: «Занимаюсь допоздна у друзей, потому что у нас одна книга на всех», то: «Ночую у подружки (у меня!), потому что та лежит на смертном одре и некому о ней (обо мне!), бедненькой, позаботиться», и все такое в том же роде.

Я: Так что ты скажешь родителям?

Лаура: Я им уже позвонила.

Я: И что сказала?

Л.: Что бабуля, которой я еду приношу, просила почитать ей вечером Библию.

Я: Сдурела? Сколько времени ты ей можешь читать эту Библию? Час, два?

Л.: Да хоть до ночи! Знаешь, сколько там страниц?

Я: А вдруг они додумаются ей позвонить?

Л.: Не станут они ей звонить, я сказала, что у нее нет телефона, потому что она все равно плохо слышит.

Я: Ага, значит, бабулька глухая? А читать сама не умеет?

Л.: Я сказала, что она плохо видит…

Я: Еще и слепая к тому же!

Л.: Ну чего ты цепляешься? Все нормально сошло. Папа прямо весь расчувствовался, сказал: «Побудь там, сколько понадобится, детка. Благослови тебя Гос-подь». Трогательно до слез.

Я: Ага.

Л.: Ну так что, идем?

Я: Значит, из-за тебя несчастная старушка ослепла и оглохла? Ни стыда ни совести у тебя, Лаура. А продукты ты ей сегодня понесешь?

Л.: Да, попозже, она спит после обеда.

Я: Слушай, а может, мы вместе сходим к твоей бабульке? И прямо оттуда потопаем к Кипрасу?

Л.: Давай. В полтретьего на углу – успеешь?

Вот здорово! Идем тусить!

Так, теперь надо искупаться и намазать лаком огрызки ногтей… Не знаю, что надеть, – пересмотрела весь свой гардероб, ничего подходящего не нашла. А, к черту! Напялю светлые джинсы и черную майку – подойдет к моим бесцветным лохмам. Обуюсь в черные замшевые кроссовки. И еще у меня есть роскошная черная шляпа, как у Майкла Джексона, и широкий галстук с черепами. Ага… Лицо надо будет выбелить, веки и губы сделать красными – получится классно. Все, залезаю в ванну. Пока!

17 июня, вечер

Сегодня весь день проспала: уж очень тошнило, и вообще было погано, и чувствовала себя страшно виноватой. Проснулась только под вечер. Стало получше.

А еще в моей жизни кое-что изменилось – обстоятельства сложились так, что мне пришлось переехать к маме. Я поссорилась и с отцом, и с бабушкой Валерией (когда ссорюсь с ней, всегда называю Валерией, потому что ее это бесит).

Позвонила Лауре, но она не отозвалась – похоже, выключила мобильник. Как знать, может, и вправду сейчас читает старушке Библию. Бедняжка, нелегко ей, наверное, было сегодня доползти до этой своей бабульки!

Вчера перед тусовкой мы, как и собирались, занесли бабульке еду – обернулись быстро, минут, может, за десять. У Лауры есть ключ от старушкиной квартиры, потому что та еле ходит и почти не встает с постели. Когда мы вошли, Лауруте моя сразу же потащила покупки на кухню, а я осталась ждать в коридоре и через приоткрытую дверь разглядывала гостиную. Классная у бабульки квартира, прямо как в старых фильмах! Потолки высоченные и везде картины и книги. Вот бы в них порыться! Все, что нашлось интересного во всех трех моих домах, я уже прочитала.

В общем, теперь я живу с мамой… Только, может, я лучше расскажу с самого начала про то, что происходило после бабульки?

Сначала все было как обычно. К тому времени, как мы с Лаурой добрались, тусовка шла полным ходом: Кипрас с Силвой лизались в прихожей, Валентинас изображал людоеда Ганнибала Лектера и уговаривал Грету позволить ему откусить у нее кусок ляжки, а Винце с Гинце сидели в обнимку на полу в кухне и орали во все горло: «Пей до дна, пей до дна, пей до дна!»

Замутил все Микас: притащил водяру и стал нам подливать куда попало – в пиво, в сидр, у кого что в стакане было. В общем, намешали мы мало не покажется, надрались как свиньи, несли, как всегда, всякую чушь, орали громче музыки, плясали до упаду – словом, веселились вовсю. И вдруг кто-то закричал: горим! Смот-рим – и правда, из кухни дым валит. Ломанулись туда всей толпой и стали тушить огонь. Оказалось, Винце с Гинце примстилось, будто они на природе, сидят у озера, вот и решили костерок запалить – ну не идиоты? Выжгли на полу в кухне здоровенное черное пятно! Не представляю, что Кипрас скажет родителям.

Ладно, пожар-то мы загасили, но по этому случаю дернули еще и какого-то ликера из бара Кипрасовых родителей. Лауре стало плохо, она пошла блевать, а мне до смерти спать захотелось, и я решила поискать себе койку. Поскольку меня мотало во все стороны, я никак не могла попасть в дверь, и Валентинас вызвался отвести меня в спальню родителей Кипраса. Как мы туда добирались – убей не помню. Кажется, долго поднимались по каким-то лестницам.

Проснулась я под кроватью – там, значит, и улеглась спать. Меня трясло от холода, тошнило, и бок страшно ныл – паркет у них ужас какой жесткий, зато клубочки пыли, начинавшие кататься по полу от каждого моего выдоха, были

мягкие и нежные и всё норовили забиться мне в нос. Под головой у меня оказался чей-то тапок, судя по размеру и запаху – Кипрасова отца, а свисавшая с кровати розовая тряпочка была, скорее всего, полой маминого халата.

Мне тут же закралась в голову нехорошая мысль: родители Кипраса вернулись! Прямо надо мной кто-то сопел – на кровати, без сомнения, был кто-то живой, но меня это почему-то нисколько не радовало. Черт, подумала я, если в постели они (то есть родители), я влипла, надо еще немного полежать и попытаться трезво оценить ситуацию. Для начала я решила, что больше никогда не буду пить. Потом – что и курить тоже брошу. Больше я ничего решить не успела – на этом месте меня ужасно затошнило и чуть не вывернуло. Стало ясно, что надо собраться с силами и, пока не поздно, вылезти из-под кровати. Если там, наверху, окажутся родители Кипраса, пожелаю им доброго утра и спрошу, чего бы им хотелось на завтрак. Увидев меня, они, скорее всего, страшно обрадуются!

Собравшись с силами, я осторожненько подползла к краю – и первое, что увидела, высунув голову из-под кровати, это улыбку Моны Лизы! Картина почему-то была прислонена к ночному столику. Я чуть не выругалась вслух: и без нее было погано до предела! Высунувшись подальше и глянув наверх, я обнаружила на кровати какую-то неизвестную мне форму жизни. Голова у этого создания была накрыта подушкой, так что с первого взгляда личность было не установить. Но мне и без этого сразу полегчало – ни один из родителей Кипраса не улегся бы спать в кроссовках!

Я смутно припомнила, что вчера мы с Валентинасом в этой самой спальне как-то очень умно разговаривали про Мону Лизу. Точно! Мы сняли репродукцию со стены, сели перед зеркалом и долго строили рожи, пытаясь повторить Джокондину улыбку. Смешно было до чертиков. Потом мы попробовали целоваться, но ничего хорошего из этого не вышло: Валентинас все время старался засунуть свой язык мне в рот, типа, это верх эротики, а мне не понравилось, и я сказала, что никакой эротики в этой гадости не нахожу. Не понимаю, почему наши барышни так млеют от поцелуев! Так… А дальше-то что было? Ну да, поскольку мы никак не могли придумать, чем бы еще полезным заняться, я решила лечь, а Валентинас предложил по такому случаю сделать меня женщиной, но я отказалась. Тогда он почему-то обиделся, накинул на себя халат Кипрасовой мамы и стал изображать раненого мотылька. Летал по комнате до тех пор, пока не опрокинул вазу с цветами. Я всерьез разозлилась и обозвала его идиотом, а он с этим категорически не желал соглашаться и в конце концов расплакался. Вот тогда-то я, наверное, и завалилась спать… Судя

по всему – под кроватью. И женщиной, видимо, пока не сделалась, раз осталась, как была, в джинсах и майке. А вот кроссовки и шляпа куда-то запропастились – и я отправилась на поиски.

В гостиной все еще спали, кто где рухнул, в кухне Винце с Гинце, по-прежнему сидя в обнимку, распевали: «Как протрезвеем, так и встанем!» Свою обувку я нашла там же на кухне, в раковине с грязной посудой, а шляпу – в гостиной на полу. Кто-то насыпал в нее чипсы.

Дома ждал настоящий ад. Папа с бабушкой подстерегали меня в прихожей: должно быть, услышали, как я отпираю дверь. Как только я вошла, отец размахнулся и влепил мне такую затрещину, что мало не показалось. Я больно ударилась о шкаф для обуви, из носу потекла кровь, и я поняла, что разозлился папаша не на шутку: весь побагровел, как свекла, и вопил, будто его режут:

– Ты где была, дрянь такая? Хочешь на помойке жизнь закончить?

Тут он снова замахнулся, но бабушка его удержала:

– Не надо, Юозелис, не надо!

Мерзкая предательница! Сама каждый день бегает к своим придурочным подружкам и постоянно талдычит, что «интеллигентам необходимо общаться друг с другом». Я и общаюсь, чтоб ее! Ненавижу бабку! И я же ведь оставила записку, что «ушла в кружок, вернусь поздно», обычно это их устраивало.

– Только не вздумай врать, что была в кружке! – снова взревел папаша. – Мы звонили в школу, никакие кружки давно уже не работают!

Ясно, не работают, учебный год сто лет как закончился, но до сих пор никого это не волновало.

– На кого ты похожа, смотреть страшно! – всплеснула руками бабушка. – Иди в ванную, умойся.

– Чем от тебя несет? – рявкнул папа.

Не выношу, когда на меня орут. Я уже давно заметила: если уровень звука зашкаливает, у меня по-настоящему перекрывается доступ к мозгам, они перестают воспринимать информацию, и я превращаюсь в овощ. С трудом отлепившись от обувного ящика, я потащилась в ванную.

Пустила воду, посмотрелась в зеркало. Да, картинка та еще: нос уже начал пухнуть и мягко пульсировал, под глазами черные потеки от вчерашнего макияжа, щека и подбородок вымазаны кровью, как у только что отобедавшего вампира. Налюбовавшись, я заперлась и решила, что никуда отсюда не выйду.

Отдохнуть мне не дали – уже через минуту папаша начал дергать дверную ручку.

– Ты что там, оглохла? Открой немедленно, шлюха! Если сейчас же не скажешь, где всю ночь шаталась, я вышибу эту чертову дверь! Слышишь?

– Юозелис, Юозелис! Не надо, не нервничай! – нудила бабка. – Она сейчас выйдет и все объяснит.

Фигушки! До самой смерти не выйду, подумала я, пусть вышибает свою проклятую дверь, пусть хоть весь дом разнесет, мне плевать!

Он стал лупить в дверь как ненормальный. Меня это вскоре достало, и я не выдержала.

– У мамы я была! – заорала я во все горло. – Что, может, и этого нельзя?

Я знала, что выиграю в лучшем случае несколько минут, что очередное вранье немедленно выплывет наружу, но ничего другого в голову тогда не пришло, да, честно говоря, мне было уже до лампочки. Я хотелатолько одного – чтобы от меня отвязались и оставили в покое.

Они помолчали, потом стали перешептываться. Когда речь заходит о маме, в этом доме всегда шепчут, о ней нельзя говорить в полный голос. Бабушка особенно бдительно за этим следит. В конце концов они, видно, до чего-то договорились и оба потопали в комнату – ясное дело, маме звонить! И тут я поняла, что теперь-то уж мне точно крышка. Хотела было выскочить из ванной и

свалить из этого дома, но сообразила, что тогда мне придется бежать длинным коридором мимо двери гостиной, и я не успею отпереть замок, папа меня схватит. А потому решила и дальше отсиживаться в ванной. Здесь хорошо, водичка льется… Может, у меня все-таки есть хоть какой-то шанс остаться в живых? Может, бабка все-таки не позволит ему выломать новую дверь – квартиру-то совсем недавно отремонтировали?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/kristina-gudonite/dnevnik-plohoy-devchonki/) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Стихотворение литовского поэта Майрониса (настоящее имя Йонас Мачюлис, 1862–1932); судить об известности Майрониса можно хотя бы по тому, что его изображение помещено на банкноте в 20 литов. «Тракайский замок» входит в школьную программу, и каждый литовский школьник должен выучить его наизусть. (Здесь и далее – примеч. перев.)

2

Литовский лит привязан к евро: 3,45 лита = 1 евро, то есть заработок Лауры – это около 60 евро, или две с лишним тысячи рублей.

3

В литовских школах оценки ставят по десятибалльной системе.

Купить: https://tellnovel.com/kristina-gudonite/dnevnik-plohoy-devchonki-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити